

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

- И.Ф. Попова.* И.А. Орбели в Ленинградском отделении
Института востоковедения АН СССР 5
Ж.С. Мусаэлян. И.А. Орбели и курдская филология 15

ПУБЛИКАЦИИ

- Танский политический трактат из Дуньхуана.
Предисловие и перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой* 22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие
и перевод с тангутского языка *Е.И. Кычанова* 38
Аракава Синтаро. О рисунке тангутского «камнемета»,
хранящемся в ИВР РАН 44
Самань куварань-и битхэ («Шаманский двор»). Перевод
с маньчжурского языка и предисловие *Т.А. Пан* 52

ИССЛЕДОВАНИЯ

- О.М. Чунакова.* Парфянские личные имена: семантика
и структура 65
А.Л. Хосроев. К толкованию некоторых понятий
в так называемом «Трехчастном трактате»
(*Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22*) 75
З.А. Юсупова. Письменные памятники как источник
изучения курдского языка: «Диван» Ранджури
(на диалекте горани) 96
Ж.С. Мусаэлян. Курдская рукопись середины XIX в.
из Архива Востоковедов ИВР РАН 115
Ю.А. Иоаннесян. Божественное созидательное начало
в авраамических религиях 133
В.Ю. Шелестин. Паритетные договоры царей
Кишцувадны 156
Вэй Ин-чунь. О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской
коллекции (перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой*) 183

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.* Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь) *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

Yuriy Malikov. Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. В.: Klaus Schwarz Verlag (Studien zum Modernen Orient 18), 2011. — 321 p.

Представленная на рецензию работа Юрия Маликова освещает целый ряд аспектов взаимоотношений мира казачества и кочевников Северного Казахстана, начиная с 1734 г., когда этот район был включен в состав Российской империи, и до конца XIX в.

Автор данной монографии отдает предпочтение рассмотрению взаимодействия и взаимовлияния двух, в общем, разных культур на довольно обширной территории северных казахстанских степей, а также анализу сложившихся социально-экономических отношений в этом регионе. Это существенно отличает данный труд от работ многих авторов, как отечественных, так и зарубежных, увлеченных военно-политической стороной отношений Российской империи и Великой степи.

Во введении к своей монографии автор рассматривает различные подходы, выработанные исследователями по затронутой в ней проблематике. В нем представлены наиболее характерные мнения, взгляды и оценки роли и места казачества в российской, казахстанской и западной историографии. Не случайно отдельные параграфы озаглавлены следующим образом: «Историография российской восточной границы и отношения казаков с казахами: традиционная американская историография» (р. 13–18), «Российская дореволюционная историография» (р. 18–21), «Ранняя советская историография» (р. 21–22), «Советская историография после Второй мировой войны» (р. 22–24), «Историография Казахстана» (р. 24–27), «Постсоветская российская

историография» (р. 27–28). Еще в одном параграфе введения под названием «Переосмысление подхода к вопросу о российских восточных границах» (р. 29–33) автор отмечает, что среди западных исследователей появились новые имена, труды которых характеризуются новыми подходами. Если говорить более подробно об их позиции, нужно отметить, что их общая черта заключается в том, что в своих работах они отдаляются от оперирования казавшимся незыблемым кругом понятий, представляющих взаимодействие автохтонного и «пришлого» населения, только как отношений «завоевателей» и «покоренных», «угнетателей» и «мучеников». В этом параграфе рассматривается нетипичная, но, вероятно, отражающая новые тенденции, наметившиеся в последнее время в западной исторической науке, монография Томаса Барретта (Thomas Barrett) «At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860». Как пишет Ю. Маликов в своем труде, «Т. Барретт рассматривает российские границы как зону переговоров и взаимовлияния в большей степени, чем зону конфликтов и разделения» (р. 29). Это, судя по всему, положительно расценивается автором монографии, поскольку способствует вынесению более объективной и справедливой оценки ситуации не только на Кавказе, на котором фокусируется основное внимание автора, но и в других районах пребывания казачества.

Освещение обозначенной в названии книги Ю. Маликова проблематики с историко-культурологической позиции неизбежно требует от автора углубления в вопрос о происхождении «сибирского казачества», о национальном составе казачества, об истории его миграции в Сибирь и казахстанские степи. Этому посвящена первая глава книги — «Сибирские казаки и казахи: символы самосозна-

ния» (р. 40–105). Местное казахское население — племенные и клановые структуры, религия, быт и, в какой-то мере, психологический тип населения также получают свою характеристику.

В главе обращается внимание, на то, что казачество оценивалось неоднозначно в разные периоды истории и разными авторами. Палитра обозначавших казаков терминов варьировалась весьма широко, от «распространителей веры Христовой» и до «разбойников», что нередко объяснялось идеологическими соображениями и симпатией людей, писавших о них. Автор монографии, используя множество цитат, рассуждает относительно содержания понятия казачества, обращая внимание на личность покорителя Сибири Ермака и его этнически пестрое окружение. Он справедливо акцентирует внимание на том, что уже на ранних этапах переселения в Сибирь среди казаков было много русских — представителей беглого крестьянства, не согласных с церковными реформами и другими мерами, предпринимаемыми центральной властью. Многие из них принадлежали к староверам-раскольникам, а также к небольшим по численности христианским сектам. Более того, неграмотность и незнание основ православной религии частью переселенцев из России приводили к заимствованию местных культов, вплоть до контактов с шаманами (р. 64).

В казачьи отряды уже в XVIII в. вливались люди, не принадлежавшие к русскому этническому элементу, но готовые принять христианство. Военное руководство, как видно по тексту, не стремилось чинить им в этом препятствия. Следует также учитывать тот факт, что государственное законодательство в сибирских и пограничных со степью землях фактически не действовало или действовало не в полной мере. Ю. Маликов приводит интересные статистические данные об относительно либеральном отношении властей, по сравнению с внутренней Россией, к женщинам из среды переселенцев, которые становились матерями-одиночками. В этом усматривается возможность привнесения в формировавшийся тип казаков черт исконных жителей Сибири и степей, и, по-видимому, это приводило к расовому смешению внутри казачества уже на ранних этапах.

Приведенные Ю. Маликовым данные о военных, набиравшихся в казачье войско Сибири, ставят под сомнение возможность рассмотрения казачества в качестве социально-

военного института, действовавшего только на базе православного христианства. Как видим, оно было полиэтническим и даже поликонфессиональным военным формированием с доминированием представителей православных. Автор обращает внимание на то, что как в политических выступлениях представителей церкви, так и в речах казахских религиозных публицистов делается излишний акцент на религиозно-православный характер казачества, часто без достаточного основания. Познавательными выглядят приводимые сведения об участии в казачьем войске не только русских и местных этнических элементов, но даже западноевропейцев, попавших в плен и сосланных в отдаленные казачьи поселения. Эта практика применялась еще в XVI в.

Как ни странно, в сибирских районах, контролировавшихся казаками, а также в степях наблюдался дефицит женского населения, что мешало созданию казачьих семей. В связи с этим автор отмечает, что правительственные чиновники прямо или косвенно поощряли браки между казаками и представительницами кочевых народов, что вело к росту смешанных семей и создавало новый расово-этнический портрет казачества (р. 82). Возможно, что только казаки из староверов при невозможности браков с «другими» сохраняли «русский» этнический тип, свойственный Центральной России.

Тем не менее, несмотря на эти очень полезные и детальные сведения и характеристики, самой дефиниции «сибирское казачество» в тексте не приводится.

В параграфе, завершающем первую главу, автор монографии высказывается в пользу идеи преобладания племенного или кланового сознания у казахов ко времени вступления во взаимодействие с казаками. Это позволило им контактировать с переселенцами из России в Северном Казахстане по уже известной модели, когда договоры достигаются на уровне кланов, а не целых народов. В этом скрывается вероятное восприятие приграничными казахами казаков как иноплеменников, но не врагов. Это коренным образом отличало казахско-русские отношения в целом от, например, марокканского опыта, где в борьбе с французами отдельных племенных групп произошла консолидация племенных союзов, способствовавшая ускорению формирования национального сознания (р. 104–105). С этим, пожалуй, можно согласиться. Французская

администрация не пыталась принимать в расчет интересы арабов и берберов в Марокко. Она действовала с целью полностью подчинить местных жителей, устанавливая полный контроль над всей территорией. В случае с казахскими степями можно отметить проведение политики скорее мирного сосуществования без явно выраженного подчинения казахов, без навязывания другого, чуждого им образа жизни и ценностей. Получалось, что два народа в какой-то мере «врастали» друг в друга, что не приводило к острым и непреодолимым противоречиям и не служило поводом для какой-либо консолидации казахов для отражения губительной угрозы извне.

Вторая глава монографии Ю. Маликова — «Межкультурный обмен на границе: причины и последствия» (р. 106–150) повествует о заимствовании жившими в степи казаками отдельных элементов образа жизни и быта от местного казахского населения. Это нашло выражение, например, в создании открытых загонов для скота. Казаки также заимствовали у местных казахов много приемов из скотоводческой практики и организации хозяйства, используя для этого местную утварь и материалы.

Начиная с указов Екатерины II, на российскую военную службу привлекались представители казахских родов, причем некоторые получали воинские звания и награды. За этим следовало желание изучения русского языка и приобщение детей к учебе в русских школах. В области заимствований материальной культуры можно отметить то, что родовитые казахские семьи стали обращаться к российским властям за помощью в строительстве каменных домов в местах зимних пастбищ (р. 116).

Автор много внимания уделяет характеристике образа жизни казахов, которые оказались в районах станиц, смене ими образа хозяйствования, а в ряде случаев и религии. В частности, в монографии освещается место джатаков — обедневших казахов, живших бок о бок с казачьими поселениями и внутри них, оказываясь, таким образом, важным звеном в системе казацко-казахских связей. Эта категория казахов перешла в общении на русский язык и перенимала сложившийся в станицах тип хозяйствования. Джатаки активно участвовали в качестве переводчиков в торговле, которую вели казаки с местными кочевыми кланами, и проводников и нередко сами ста-

новились успешными коммерческими агентами. Подводя итог рассмотрению взаимовлияния в области бытовой культуры, можно отметить, что оно приносило пользу обеим сторонам.

Обращает на себя внимание отсутствие какого-либо принуждения казахов к принятию христианства. Принятию новой для казахов веры сопутствовали долгое проживание отдельных выходцев из степи среди русских или совместные браки, куда было вовлечено небольшое число казахов, поэтому говорить о массовом крещении, как это видно по тексту монографии, не приходится. Сложнее складывалась ситуация для людей, принявших христианство, но пожелавших уйти к сорочичам в степь. Здесь наблюдались препятствия и недовольство со стороны русской администрации (р. 136–139). Не менее серьезно эта администрация относилась к казахам, принятым на службу в казачье войско. Попавший на службу казах вместе с семьей фактически оставался на ней до конца жизни. Это, впрочем, относилось в полной мере и к казакам русского происхождения.

Третья глава — «Восстание Кенесари Касимова (1837–1847 гг.): национально-освободительное движение или протест против восстановления казахского прошлого?» позволяет задуматься над вопросом, являлось ли насилие доминантой в отношениях на границе казахов и казаков. В самом начале этой главы автор монографии выдвигает свою точку зрения, что причины этого восстания скрывались в основном в самом казахском обществе, аргументируя это тем, что влияние Российской империи в этот период было ограниченным. Далее следуют рассуждения о допустимости рассмотрения казахов как сформировавшейся нации в XVIII–XIX вв. и о добровольном характере их присоединения к Российской империи. Для выяснения различных подходов ученых к освещению этого восстания Ю. Маликов вводит специальный параграф — «Историография восстания Кенесари» (р. 153–156). Для выяснения оценки массового характера восстания анализируются статистические данные из разных источников о численности бойцов в отрядах руководителя восстания. В результате ставится под сомнение тезис некоторых исследователей о массовом участии в движении казахов. Кроме того, восстание Касимова, как и его предшественников, выглядело скорее как движение, направленное на объединение казахов и центра-

лизацию власти в обширных степях в одних руках. Сложно представить, что это могло быть в интересах российской политики в Средней Азии в тот период, поэтому совершенно очевидно, что помощь такому движению со стороны России оказываться не могла. Скорее, наоборот, под предлогом опасности нападений из глубины степи российская администрация воспользовалась ситуацией для укрепления своих позиций в Северном и Восточном Казахстане.

Четвертая глава содержит объяснение идеологических принципов российского продвижения на Восток и носит название «Цели российского империалистического государства на Востоке». Глава начинается с историографического обзора идейных мотивов продвижения России на Восток. В их числе называются — распространение христианства без стремления к просвещению, создание возможностей для успешной торговли, укрепление и защита границ и другие более или менее прагматичные мотивы и цели. Автор монографии склоняется к объяснению экспансии сугубо прагматическими устремлениями России в установлении контроля над казахскими степями. В числе причин этого он выделяет обеспечение безопасности русских поселений в Сибири и установление безопасной торговли через степи с Индией, Китаем и ханствами Центральной Азии (р. 184).

Для подтверждения точки зрения о том, что религиозные мотивы не являлись двигателем российской политики в регионе, автор монографии отмечает, что центральные власти Российской империи стремились всячески сохранить исламскую веру среди местных жителей. Он приводит также сведения об указе Екатерины II от 1767 г. о запрещении миссионерской деятельности в степи и о предписаниях, последовавших век спустя, царя Александра II о недопустимости миссионерской деятельности среди кочевников. Первые миссии все-таки были направлены лишь в 1883 г., много лет спустя после ее включения в империю.

Определенное внимание в главе уделено строительству Линии казахских поселений вдоль границ империи и «дикого поля», откуда могла исходить угроза для русских переселенцев в Сибирь. Согласно представлениям отдельных российских военачальников, Линия фортификационных сооружений могла смещаться южнее по мере укрепления контроля

над степными регионами. Казахи-кочевники представлялись как возможная угроза.

Для укрепления границ российская администрация предпринимала меры по развитию торговли вдоль границы и созданию при фортификационных сооружениях крупных торговых центров (Оренбург, Семипалатинск). В то же время караванная торговля стала рассматриваться одной из важных форм по укреплению отношений с обитателями степи. Обеспечение безопасности караванной торговли являлось важной задачей казаков, что приводило к длительному отсутствию в станицах казачьих отрядов и определенным лишениям. Казачество часто выражало по этому поводу недовольство. Освещению этого вопроса посвящен последний параграф главы (р. 209–211).

Пятая глава монографии — «Роль торговли в формировании приграничного общества» более детально освещает поднятые в предыдущей главе вопросы о важном месте торговых отношений для установления особого климата взаимодействия между казаками и казахами в приграничных районах. Начальный этап установления торговых связей характеризовался их небольшим объемом в силу действия указа от 1740 г., ограничивавшего число одновременного пребывания казахов в одном казачьем пункте цифрой в 25 человек. Конечно, это не способствовало активизации связей. С первой четверти XIX в. намечается новый подход к привлечению казахов к торговле. Для русских купцов постепенно снимались ограничения торговли внутри степи, так же как для казахов разрешалось везти товары в различные районы Российской империи (р. 216). Таким образом, на ранних стадиях казахско-русских отношений готовилась почва к перенесению торговли в глубь России. Говоря о возможном неравноправии в торговле, автор рецензируемой книги старается подойти к освещению этой проблемы дифференцированно в зависимости от периода. Действительно, сначала торговый обмен мог складываться в пользу казаков и русских купцов, однако со временем торговля стала принимать более сбалансированный и равноправный характер, особенно с вовлечением в нее широких слоев казахов и с приобретением ими коммерческих навыков.

В параграфе главы «Торговля как инструмент приграничной гибридизации» Ю. Маликов вступает в полемику с казахским ученым

А.Б. Шалгимбековым, высказывающимся в своих трудах о том, что торговля вдоль Линии казахских поселений служила «инструментом ассимиляции и военной и гражданской колонизации», разрушившей образ жизни кочевников (р. 238). Не отвергая тезис относительно торговли как инструмента влияния, Ю. Маликов отмечает, что эта торговля носила обоюдный характер, и призывает авторов, дающих оценки подобным явлениям, больше обращать внимание и на положительные стороны торговли для обеих сторон (р. 239).

В последней главе «Конфликты в степи: их источники и урегулирование» (р. 252–283) поднимается вопрос о правомерности называть сосуществование казаков и казахов вдоль Линии станиц перманентной враждой. В принципе, Ю. Маликов больше склонен рассматривать возникавшие в ходе истории отдельные (а не постоянные) конфликты как результат в большей степени внутреннего развития самого формировавшегося казахского национально единого общества, чем порождение насильственного колониального курса Российской империи. Более того, автор полагает, что, наоборот, администрация приграничных районов постоянно беспокоилась за стабильность и сохранность южных границ. Это обеспечивало, в конечном счете, безопасность страны в целом. Еще одним интересным, на наш взгляд, элементом данной главы является отстаивание автором точки зрения, что казаки, проживавшие на Линии, как и казахи степи, в течение длительного исторического периода не представляли «религиозной и другой идентичности», которая препятствовала бы оформлению каких-либо форм совместных союзов (р. 253). К этому следует добавить слабость Российской империи для военных действий в степи, для демонстрации в ней своего могущества и установления в ней своего полного господства.

Далее автор разбирает источники возникновения конфликтов. Одним из основных называется разрешение беглым рабам казахов уходить за Линию, в глубь российских владений. Российские власти оказывали им протекцию, особенно при условии принятия христианства, и не выдавали обратно в степь их бывшим хозяевам. В ответ казахские кланы совершали набеги на торговые караваны, проходившие через степь. В этой главе также отмечается, что в ходе истории казаки и казахи умели находить взаимоприемлемые формы

решения споров, основанные часто на традиционных степных, т.е., по сути, казахских методах, которые оказались удобными и для другой стороны. Более того, нередко казаки оказывались в своеобразной оппозиции российским властям, которые применяли неудобные и невыгодные для них законы, в чем казаки отчасти солидаризовались с казахами. Особо это касалось вопросов торговли (р. 279).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что перед нами интересный и серьезный труд, выполненный на оригинальном материале с привлечением большого круга отечественных и зарубежных работ. В монографии приводится внушительный объем цитат из материалов архивов Омска, Оренбурга, Казахстана. Автор проработал большой объем западных, российских и казахских монографий и статей, что отражается в библиографическом списке и в основном тексте.

Говоря о современном этапе истории, заметим, что лучшим показателем позитивного потенциала, содержащегося в модели отношений между исконным местным населением и казаками, является то, что населенные пункты, расположенные по границе казахских степей, существуют и в настоящее время, не вызывая осложнений и не создавая поводов для каких-либо форм серьезных и долговременных конфликтов. Между людьми «пограничья» происходило и происходит активное взаимодействие, причем элементы культуры, привнесенные казаками и, наоборот, заимствованные ими от местного населения, сохраняются.

Вызывает, однако, определенную тревогу то, что переживающие трансформацию экономические отношения на постсоветском пространстве, разделение территорий могут в определенной степени оказаться факторами ослабления прежних связей и снизить вовлеченность казаков и казахов в совместное производство и обмен.

Сложно согласиться с высказываемой точкой зрения отдельных авторов, имена которых приводятся в монографии, как показывает Ю. Маликов, о постоянной напряженности и конфликтности «двух несовместимых» миров. Это выглядит предвзято, и сам ход истории опровергает их. Автор последовательно отстаивает позитивный и особый характер отношений, сложившийся в «пограничье», и делает это добросовестно и убедительно.

И.В. Герасимов